

Чжуан Ян жил с матерью в деревне Чжу, что в Линьцуне. У него были братья и младшая сестра, а отец скончался рано. Вместе с ними в деревне проживала и семья дяди.

К счастью, перед смертью отец оставил достаточно средств, так что семья не знала нужды.

День Чжуан Яна начался с ярких камелий за окном. Он открыл глаза, услышал шум дождя и увидел, как с ветки упал цветок. Дождь лил уже несколько дней, солнце почти не показывалось, осенний воздух был прохладным и сырым. Завернувшись в тонкое одеяло, Чжуан Ян решил, что может поспать ещё часок.

В дождливую погоду всегда клонит в сон. Мало того что он сам не прочь подремать — собачонка, лежавшая под деревянной лежанкой, тоже уютно устроила круглую голову на толстых лапах. Это был ещё щенок, по кличке Даньбин.

Под тёплым одеялом Чжуан Ян пытался вернуться в сон, продолжить приятный сон, но нить оборвалась, и он даже не мог вспомнить, что же ему снилось.

Сверху донеслись быстрые шаги по деревянному полу, а затем за дверью раздался звонкий детский голос:

— Даньбин!

— Гав-гав!

— Даньбин!

— Гав! Гав-гав!

Даньбин, возбуждённый, вскочил и завертелся у двери, принявшись скрести её лапами.

Вот уж помеха сну.

Чжуан Ян слез с лежанки и открыл дверь. Даньбин, радостно виляя, выскочил за порог и принялся кружить вокруг А-ПИна.

— Сегодня нет занятий? — спросил Чжуан Ян, собирая свои рассыпавшиеся чёрные волосы и опершись одной рукой о косяк.

На нём была тонкая шёлковая рубаша, а исподнее — из плотной хлопковой ткани. Пятнадцатилетний Чжуан Ян был красив: алые губы, белые зубы, правильные черты лица. Распущенные волосы, расслабленная поза, лёгкая улыбка на губах — всё выдавало в нём юношу, привыкшего к неспешной жизни.

— Учитель вчера сказал, что у него дома обрушилась стена, и ему нужно вернуться, чтобы починить её, — ответил А-Пин.

Дядя нанял конфуцианского наставника, и обычно А-Пин рано утром отправлялся к нему.

А-Пин присел на корточки и принялся теребить пушистую голову Даньбина своими пухлыми руками, а щенок в ответ строил самые разные гримасы.

— Даньбин, пойдём играть!

А-Пин подхватил щенка и помчался по галерее с востока на запад, мимо нескольких закрытых

дверей, к самой крайней западной комнате — спальне их матери.

Дождь за окном, похоже, прекратился. Пробилось солнце, небо прояснилось.

Во дворе слуга с засученными рукавами стоял у колодца, поднимая воду с помощью журавля. У его ног билась курица со связанными крыльями — видимо, готовился обед. Другой слуга с бамбуковой метлой подметал опавшие листья и цветы на каменных ступенях.

Чжуан Ян вернулся в комнату, закрыл дверь, достал одежду из ларца и не спеша облачился. Подойдя к зеркальному столику, он расчесал волосы, заплел их и уложил в причёску.

— Брат!

На этот раз позвала девочка. У двери стояла десятилетняя девочка миловидной внешности, с кожей белой, как слоновая кость, и глазами, яркими, словно жемчуг.

Чжуан Ян открыл дверь, и девочка тут же бросилась к нему, обхватив за талию.

— А-И сказал, что Чжусунь заболел, он не ест бамбук, — сообщила она.

Чжуан Ян взял сестру, Чжуан Лань, за руку, и они спустились по деревянной лестнице вниз.

Чжусунь был детёнышем бамбукового медведя. Прошлой зимой, во время сильного снегопада, он скатился с горы в поисках еды, поранился и, голодный, яростно лаял, словно щенок. Дети семьи Чжуан нашли его в бамбуковой роще и принесли домой.

Чжуан Ян подошёл к маленькому бамбуковому домику Чжусуня и увидел, что тот лежит внутри без движения.

— Чжусунь!

Чжуан Ян хлопнул в ладоши снаружи. Чжусунь поднял голову, узнал его и издал звук, похожий на блеяние, — знак радости.

— Иди сюда, иди сюда.

Чжуан Ян мягко похлопал, и Чжусунь медленно подошёл к нему. Чжуан Ян взял его на руки, вынес на деревянную галерею и внимательно осмотрел.

В тёмной хижине Чжусунь казался вялым, но на солнце ожил и ухватился за ногу Чжуан Яна.

Чжусунь любил обнимать ноги, и иногда его когти были довольно остры.

Возможно, из-за затяжных дождей даже Чжусунь приуныл, но болезни у него не было.

— А-Лань, пойдём накопаем для Чжусуня бамбука.

Произнося это, Чжуан Ян улыбнулся. Имя Чжусунь он дал ему сам.

— Чжусунь любит есть бамбук, но Чжусунь не любит давать бамбук Чжусуню!

Чжуан Лань, словно сорванка, принялась прыгать по каменным ступенькам, повторяя эту фразу.

Чжуан Ян взвалил на плечо железную мотыгу, взял бамбуковую корзину и направился к бамбуковой роще за домом.

Тропинка была скользкой, и ему приходилось смотреть под ноги, чтобы не упасть и не потерять из виду сестру.

Чжуан Лань выросла в этих местах и, как другие деревенские дети, бегала по всем окрестным холмам. Она не боялась ни насекомых, ни змей и готова была схватить что угодно.

После дождя появилось много молодых побегов, и нужно было найти самые сочные и нежные.

В этих местах жило мало людей, и бамбука было больше, чем могли съесть. Многие побеги оставались несорванными, пока не становились слишком жёсткими.

Чжуан Ян выкапывал ростки, а Чжуан Лань снимала с них кожуру, и вскоре корзина наполнилась.

— Брат, А-Ли сказал мне, что на другом берегу реки в старом доме поселились двое — мать с сыном, — сообщила Чжуан Лань.

А-Ли был третьим сыном дяди, их дом находился наискосок от дома Чжуан Яна, через извилистую тропинку.

— О, — безразлично отозвался Чжуан Ян.

Он поддел корзину с бамбуком мотыгой. Корзина была нелёгкой.

— Брат, посмотри, там дым!

С вершины бамбукового холма было видно, как из леса на другом берегу реки И поднималась тонкая струйка дыма.

Семья Чжуан Яна жила в деревне Чжу, что к западу от Линьцюна. Через деревню протекала река И, которая тянулась на сотни ли с северо-запада, разделяясь перед деревней и становясь мельче. В пределах деревни река была настолько узкой, что её можно было переплыть на лодке, сделав всего несколько взмахов вёслами.

Чжуан Ян редко бывал на том берегу. Не потому что не умел плавать, а потому что тот берег был покрыт густым лесом, и там не было деревень. Он интуитивно чувствовал, что это опасное место. Взрослые говорили, что в лесах на западе живут племена цюн, а в глубине водятся леопарды, шакалы и медведи.

На западном берегу стоял старый дом, рядом с которым были заброшенное поле и высохший пруд. Когда-то там жили люди, но куда они ушли, нынешние жители не знали.

Около десяти лет назад здесь шла война, и прежние обитатели покинули эти места, оставив после себя полуразрушенные дома.

Эти дома, покосившиеся от времени, с обвалившимися стенами, манили детей из семьи дяди, которые любили исследовать окрестности. Взрослые всегда запрещали им заходить в старые дома, опасаясь, что те могут рухнуть. Чжуан Ян уже перерос этот возраст, особенно после смерти отца он стал больше ценить спокойную жизнь.

Вернувшись домой, брат с сестрой увидели, как Чжусунь ползает по двору и грызёт железный

таз, в котором только что разделявали курицу и от которого ещё сильно пахло.

— Чжусунь, иди сюда, поешь бамбука!

Чжуан Лань достала молодой побег и стала звать медвежонка.

— Вот, иди сюда, тут целая куча!

Чжуан Лань постучала по корзине, пытаясь привлечь внимание Чжусуня. Но тот всё не отпускал таз, впившийся в зубы. Чжуан Ян вытащил таз из его пасти и отвёл Чжусуня к куче бамбука.

— Ян, Лань, идите обедать!

Матушка Чжуан стояла на галерее и звала детей. Хотя они жили в горной глуши, в ней чувствовалась элегантность, присущая жительницам больших городов. На ней были шпильки и узорчатая одежда, ничуть не уступавшая нарядам знатных дам, разве что цвета казались немного выцветшими, а само платье — поношенным.

Брат с сестрой вошли в главный зал, где слуги уже накрывали на стол.

— Чжусунь, тебе нельзя внутрь!

Чжуан Лань преградила медвежонку путь у порога. Чжусунь смотрел своими влажными глазками на Даньбина, лежавшего внутри, и выглядел очень жалко. Он уселся на пороге, схватил бамбуковую метлу и начал свой день, посвящённый повсеместному разгрызанию вещей.

Даньбин знал, где можно «сделать свои дела», а Чжусунь — ещё нет, поэтому его не пускали на второй этаж. Иначе он непременно улёгся бы в комнате Чжуан Яна, разделив территорию с Даньбином.

Еда в семье Чжуан всегда была хорошей. В обычных семьях мясо ели редко, но для них это не было чем-то особенным.

За домом бродило много кур, огороженных бамбуковым забором. Они питались травой и насекомыми, но росли медленно, и мясо их было жёстким, не таким нежным, как у кур, откормленных зерном. Чжуан Ян помнил дни, проведённые в Цзиньгуаньчэне, но не особенно по ним тосковал. Еда была просто способом утолить голод, и то, что на столе было мясо, уже считалось большой удачей.

— В огороде ещё есть редька? — спросила матушка Чжуан, поднимая толстый стебель овоща у старого слуги, стоявшего рядом.

— Мало, позавчера коза забрела на поле с редькой, пастух её не привязал.

— Так нельзя, нужно поговорить с хозяином козы.

— Не выйдет, он не слушает, он не здешний, — развёл руками старый слуга.

— Я знаю, это тот, кто живёт в старом доме, он очень злой, — вмешалась Чжуан Лань.

Она сама видела, как этот человек чуть не подрался с А-Ли.

— Целый день бегаешь как дикарка. С сегодняшнего дня больше не ходи играть на западный берег, — отрезала матушка Чжуан.

<http://bllate.org/book/15945/1425409>